

Художника «украл» иллюстратор

Вет. Москва. — 1999 — 3 марта. — с. 6

Николай Гришин (1925 — 1985) стал «жертвой» собственного таланта. Его резковато-лаконичные комментарии к Лему, Стругацким («фантастичность», видно, была заложена в самом его письме), Горькому, Джеку Лондону, Роллану создали «талантливого иллюстратора», но практически заслонили от публики Художника.

Дарья АКИМОВА

А он сам и не стремился к «популярности творчества». Причем в данном случае отказ от публичности — не стандартное оправдание неудачника («А я к славе не стремлюсь!»), но наивное желание тихого человека защитить свое «я» от вторжения. Грустные гришинские акварели оставались неизвестны даже его коллегам. Только спустя несколько лет после смерти художника состоялась выставка, наделавшая много шума: как, Гришин — лирик! Невероятно — он же был

«Первая улыбка сына». 1947. В эпоху соцреализма, оказывается, тоже были красивые женские ноги!

хохмач и душа общества, мы помним!

Между тем ироничный Гришин-иллюстратор мирно уживался с тем Гришиным, который писал поэтичные (только не падайте в обморок!) подворотни и «вкусные» кухонные натюрморты (фламандской пышности не признавал ни под каким соусом).

Более чем востребованный аскетичный график работал в стол. Там, в столе, скрывалась серия «Материнство» (жену Майю он писал всю жизнь) и другая трепетная женщина-загадка, его вечная страсть — Москва.

Сегодня работы Гришина снова выставлены на обозрение в Гуманитарном центре имени Н. Островского на Тверской. Ощущение непозволительной интимности гришинских картин вызывает смущение. Да, точные мудрые акварели и рисунки Гришина достойны даже не скромных белых, а золотых рамок с голубой каемочкой. Все-таки художник — профессия публичная, на посмертную музеефикацию автор должен был бы рассчитывать. Но по-прежнему неясно: одобрил бы сам художник эту выставку или нет?